

Игорь Северянин

Шумная поэтическая слава Игоря Северянина была недолгой. Всего пять лет гремело его имя на поэтическом небосклоне предреволюционных лет. Он приобрел широкое признание после выхода сборника “Громокопящий кубок” (1913), был увенчан титулом “короля поэтов” в 1918 году. Но последовавшая вскоре вынужденная эмиграция поэта привела к его изоляции и забвению на долгие годы. Долгим был и его путь к вершине поэтического Олимпа.

Игорь Северянин (настоящее имя Лотарев Игорь Васильевич) родился 4 мая 1887 года в Петербурге. Его отец, Василий Петрович Лотарев, выйдя из “владимирских мешан”, сумел, получив образование, стать военным инженером и дослужиться до чина штабс-капитана. Мать, Наталия Степановна Шеншина, принадлежала к разветвленному дворянскому роду и приходилась дальней родственницей Афанасию Фету. К этому же роду принадлежал и Н. М. Карамзин. Впоследствии поэт декламировал эту родственную связь, объявив о своей позиции поэта-историка, и не без гордости заявляя,

*Что в жилах северного барда
Струится кровь Карамзина.*

(“Поэза о Карамзине”, 1912)

“Историзм” Игоря Северянина проявлялся в открытом автобиографизме его поэзии. И дело не только в написанных им в начале двадцатых годов трех автобиографических поэмах: “Падучая стремнина” (1922), “Роса оранжевого часа” (1923) и “Колокола собора чувств” (1923), и тесном переплетении и взаимодополнении его жизни и стихов. Показательны его скрупулезное внимание к собственной библиографии, выразившееся, в частности, в строгой сквозной нумерации издаваемых им брошюр, и стремление к точной датировке своих стихотво-

рений: почти все они имеют указание на год создания, а иногда и на месяц, день и, даже, место написания. И, наконец, его подчеркнутое нежелание исправлять и улучшать ранее написанное. Даже свои юношеские, подражательные, слабые, не выдерживающие никакой критики, стихи он намеревался опубликовать в полном объеме, как веху своей творческой биографии, без которой невозможно понять его последующего творчества. В автопредисловии к сборнику “Громокипящий кубок” Игорь Северянин писал: “Я, очень строго по-своему, отношусь к своим стихам и печатаю только те поэмы, которые мною не уничтожены, т. е. жизненны. Работаю над стихом много, руководствуясь только интуицией; исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся все время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в свое время они меня вполне удовлетворяли, если я тогда же их не сжег. Заменять же какое-либо неудачное, того периода, выражение “изыском сего дня” — неправильно: этим умерщвляется то, сокровенное, в чем зачастую нерв всей поэмы. Мертворожденное сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно, — допускаю, даже уродливо, — я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно — мое!”.

Автобиографизм творчества Игоря Северянина даже сделал возможным совершить вполне удачные попытки детально и точно описать жизнь поэта, пользуясь только его стихами.

Но вернемся к детству поэта. До девяти лет он жил и воспитывался в Петербурге. Но в 1896 году семейная драма привела к тому, что его отец, вышедший к этому времени в отставку, уехал вместе с сыном к сестре и брату в Череповецкий уезд Новгородской губернии, где стал заниматься коммерцией. Там в большом имении дяди на высоком берегу реки Суды, при впадении в нее Кемзы, прошли отрочество и юность поэта. Природа этого живописного уголка северного края осталась ярким впечатлением поэта на всю жизнь.

*Сияет даль, и там, в ее сиянье,
Порожиста, быстра и голуба,
Родная Суда в ласковом влиянье
На зрелые прибрежные хлеба.*

*Ее притоки — Андога и Кумба,
Нелаза, Кемза, Шулома и Колнь, —
Открытья восьмилетнего Колумба,
Я вижу вас из-за несметных толп.*

(“Сияет даль...”, 1940)

Здесь в восьмилетнем возрасте поэт начал писать свои первые стихи, здесь он узнал радость первой любви: “Там, на любимой Суде, Игорь проводил летние каникулы, лишь изредка отпускаемый в Петербург к матери, и там же он познал первую (идеальную) любовь к кузине Лиле, дочери брата отца, которая была на 5 лет его старше. Автор осознал себя поэтом благодаря этой любви”, — так от третьего лица писал о себе Игорь Северянин в автобиографии. А так в стихах:

*Шексна моя, и Ягорба, и Суда,
Где просияла первая любовь,*

*Где стать поэтом, в силу самосуда,
Взбурленная мне предредила кровь.
("Сияет даль...", 1940)*

Этим же воспоминаниям посвящены и строки в поэме "Падучая стремнина".

В Череповце Игорь Северянин окончил четыре класса реального училища. Спасением от уездной скуки служило для него увлечение литературой: "В юности, — писал поэт в автобиографии, — сильное влияние Густава Эмара и Люи де Буссенара; менее сильное — Майн Рида и Марриэта... Вслед за Эмаром увлечение Дюма, Юго, Тургеневым и отчасти Гончаровым; из поэтов: гр. Алексей Толстой... Влияние композитора Амбруаза Тома и вообще музыки".

В 1904 году судьба забрасывает Игоря Северянина вместе с отцом на Дальний Восток, и поездка по стране отразится впоследствии в поэме "Роса оранжевого часа". Но почти сразу он возвращается в Петербург и живет вместе с матерью в Гатчине. С этого времени Игорь Северянин начинает заявлять себя как поэт. Он посылает свои литературные опыты по различным издательствам, и кое-где его изредка печатают (под псевдонимами Игла, Граф Евграф Д"Аксанграф). Но по большей части рукописи ему возвращают, а если иногда публикуют, то всегда бесплатно. "За эти годы мне "посчастливилось" напечататься только в немногих изданиях, — вспоминал впоследствии Северянин. — Одна "добрая знакомая" моей "добррой знакомой", бывшая "добррой знакомой" редактора солдатского журнала "Досуг и дело", передала ему <...> мое стихотворение "Гибель Рюрика", которое и было помещено 1-го февраля 1905 г. во втором номере (февральском) этого журнала под моей фамилией: Игорь Лотарев. Однако гонорара мне не дали и даже не прислали книжки с моим стихотворением".

С 1904 по 1912 годы он издает свои стихи отдельными брошюрками за свой счет небольшими тиражами по 100 экземпляров. Всего он издал 35 таких брошюрок, безрезультатно рассылая их по редакциям. Первые из них представляли отклик поэта на события русско-японской войны. Он публиковал их то под своей настоящей фамилией, то под псевдонимом Игорь-Северянин. Именно так, через дефис. Он воспринимал свой псевдоним скорее как второе имя, а не фамилию. И выбран он им был не только из-за музыкальности звучания, но и как указание на места особенной привязанности поэта.

Первые стихи Игоря Северянина во многом подражательны. В них слышны и надсоновское обращение к "усталому духом" собрату ("Гатчинская мельница", 1907), и разочарование в жизни в духе апухтинского лирического монолога ("Ее монолог", 1909), и гражданское негодование против нищеты по образцу народнической поэзии ("Что видели птицы...", 1907), и влияние лирики А. К. Толстого ("А знаешь край?..", 1907). Однако истинными своими учителями Северянин считал Миру Лохвицкую и Константина Фофанова, к образам которых поэт не раз обращался в своем творчестве. В их поэзии Северянину оказалось созвучно созерцание своего внутреннего мира как мира мечты и грез и представление о недостижимости в жизни красоты, выросшее из глубокой безысходной тоски и неприятия обыденной действительности. Кон-

стантин Фофанов, с которым поэт познакомился осенью 1907 года, первым высоко оценил талант Северянина. Однако к тому времени Фофанов уже ушел из зенита популярности и не мог повлиять на судьбу молодого поэта.

“Литературный выдвиг” Игоря Северянина произошел после того как в 1909 году одна из его брошюр, “Интуитивные краски”, попала в руки к Л. Н. Толстому, и он прочитал ироническое стихотворение Северянина “Хабанера II”.

*Вонзите штопор в упругость пробки, —
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки...*

К тому времени в печати уже появлялись отзывы о брошюрах Северянина: его слегка поругивали. Толстой же разразился потоком возмущения по поводу этого стихотворения. “Об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики <...> после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну!.. — вспоминал Игорь Северянин. — С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады, и с легкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ритгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому не было лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи, организаторы благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них, — в вечерах, а может быть, и в благотворителях, — участие...”

Скандальная известность сыграла свою роль: поэта заметили в литературных кругах, и в 1911 году появилась уже хвалебная рецензия В. Брюсова на сборник “Электрические стихи”.

В этом же году вокруг Северянина формируется новое литературное объединение — “эгофутуризм”. Кружок “Его” возник после выхода очередной брошюры поэта “Пролог “Эго-Футуризм”. Поэма грандиоз. Апофеозная тетрадь 3-го тома. Брошюра 32-я”, в которой поэт заявил: “Для нас Державиным стал Пушкин, — Нам надо новых голосов!”. А в начале 1912 года, опередив на несколько месяцев декларации кубофутуристов (В. Хлебников, В. Маяковский, Д. Бурлюк, А. Крученых), чем сам впоследствии очень гордился, в редакции ряда газет была разослана его программа — “Академия Эго-поэзии. (Вселенский футуризм). Эгофутуристы (помимо Северянина в объединение входили К. Олимпов (псевдоним сына К. Фофанова), Георгий Иванов, Грааль-Арельский (псевдоним С. С. Петрова) и др.) заявили в качестве своих литературных предшественников Мирру Лохвицкую и К. Фофанова, а теоретической основой провозгласили Интуицию и Эгоизм. Выступления эгофутуристов вызвали шумные нападки критиков, вновь послуживших Северянину своеобразной рекламой. Объединение просуществовало недолго, так как пропаганда “вселенского эгоизма” как “единственной и правдивой жизненной интуиции” неизбежно должна была привести к независимости от каких-либо литературных групп. В конце 1912 года в “Открытом письме Игоря-Северянина” поэт заявил: “Теперь, когда для меня миновала надобность в доктрине, “я — в будущем”, и находя миссию моего Эго-Футуризма выполненной, я желаю быть одиноким, счи-

таю себя только поэтом, и этому я солнечно рад. Моя интуитивная школа “Вселенский Эго-Футуризм” — путь к самоутверждению. В этом смысле она — бессмертна. Но моего Эго-Футуризма больше нет: я себя утвердил. Смелые и сильные! от вас зависит стать Эго-Футуристами!”.

В 1912 году состоялось представление поэта “петербургскому литературному миру” Ф. Сологубом “на специальном вечере в своем салоне на Разъезжей”, что позволило Северянину в своей последней брошюре “Эпилог “Эго-Футуризм” заявить: “Я — год назад — сказал “я буду”. Год отсверкал, и вот — я есмь!”. Сологуб пригласил его принять участие в турне по России и написал предисловие к первой большой книге “поэз” Северянина “Громокипящий кубок”, в котором писал: “...одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, легкий, радостный дар небес. Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнованна, как взволнованна она бывает приходом весны...”

“Весна” и самое яркое и простое ее обозначение “Сирень”, как символы пробуждения человека к жизни, станут опорными понятиями всего творчества Северянина. “Весны моей сирень” — так называется первый раздел сборника “Громокипящий кубок”, в котором поэт собрал свои стихи о чистой и светлой любви, о веселой и безудержной радости жизни, о природе в ее естественных и бесконечных проявлениях.

*Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод! —
Я снова весел и влюблен!*

*Шумите, веешние дубравы!
Расти, трава! цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!*
 (“Весенний день”, 1911)

После выхода “Громокипящего кубка” Блок записал в своем дневнике: “...я преуменьшал его, хотя он нравился мне временами очень. Это — настоящий, свежий, детский талант. Куда пойдет он, еще нельзя сказать; что с ним стряется: у него нет темы. Храни его бог”.

Но широчайшую известность принесли поэту стихи, помещенные им во второй раздел этого сборника “Мороженое из сирени”. Поэт сумел верно уловить желание, витавшее в обществе: уйти от трагизма предвоенной грозы, уйти от действительности, но не в изящную “мечту”, распisanную символистами, а в бурную, страстную, яркую “иную жизнь”. Е. Ю. Кузьмина-Караваева вспоминала, что атмосфера тех лет напоминала “Рим эпохи упадка. Мы не жили, мы созерцали, все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны”. Публика попроще тоже хотела “забвения”, понятных ей “экстазов” и “восторгов”. Такое “забвение” и давала поэзия Игоря Северянина, воспевавшего “красивости” и “изыски” великосветского и богемного быта, мир наполненный “кабриолетами”, “ландо”, “куртизанками”, “сюрпризерками” и “пажами”.

*Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.*

*Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат;
И дала половину, и паж истомила,
И паж полюбила, вся в мотивах сонат.*

*А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова.
Где ажурная пена и соната паж.*

(“Это было у моря”, 1910)

Одни видели в его стихах рождение нового искусства, другие признавали упадок литературных нравов. Но своим хулителям поэт отвечал стихотворением из четвертого раздела сборника “Эгофутуризм”, где были собраны декларативные лозунги его творчества:

*Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно озкранен!
Я повсесердно утвержден!
(“Эпилог”, 1912)*

Действительно успех Игоря-Северянина был ошеломляющим. За два года было напечатано девять изданий сборника “Громокипящий кубок”. Такой популярности не было в России ни у одной поэтической книги. Росту известности поэта способствовала и совместная с Сологубом поездка по стране, во время которой он впервые стал выступать со своими знаменитыми “поэзоконцертами”. Еще в 1910 году он писал:

*Позовите меня, — я прочту вам себя,
Я прочту вам себя, как никто не прочтет...*

А вспоминая первые годы своего успеха, отмечал: “Я поместил свои стихи более, чем в сорока журналах и газетах, и приблизительно столько же раз выступал в Университете, в женском Медицинском институте, на Высших женских курсах у бестужевки, в Психоневрологическом институте, в Лесной гимназии, в театре “Комедия”, в залах: Городской думы, Тенишевском, Екатериненском, фон-Дервиза, Петровского училища, Благородного собрания, Заславского общества “Труд и культура”, в “Кружке друзей театра”, в зале лечебницы доктора Камеразы, в Соляном городке, в “Бродячей собаке”, В конференц-зале Академии художеств, в “Алтаре” (Москва) и др., и др.”.

Он избрал для эстрады маску равнодушного гения-эстета и исполнял свои “поэзы” подчеркнуто отстраненно, не вступал в контакт с публикой, и как бы слегка презрительно кидал в зал свои стихи:

...Поешь деликатного площадь: придется товар по душе!

*Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!*

*Сирень — сладострастья эмблема. В лилово-изнеженном крене
Зальдись водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени, мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем попробуй! Ей-богу, похвалишь, дружок!
(“Мороженое из сирени!”, 1912)*

Вот как вспоминает одно из таких выступлений современник поэта: “Большими аршинными шагами в длинном черном сюртуке выходил на эстраду высокий человек с лошадино-продолговатым лицом; заложив руки за спину, ножницами расставив ноги и крепко-крепко упирая их в землю, он смотрел перед собою, никого не видя и не желая видеть, и приступал к скандированию своих распевно-цезурированных строк. Публики он не замечал, не уделяя ей никакого внимания, и именно этот стиль исполнения приводил публику в восторг,,” Закончив чтение, он быстро уходил с эстрады и, несмотря на экстаз публики, на поклон, больше не выходил. Северянин не подчеркивал смысл своих стихов, а скорее, наоборот, затруднял их восприятие, он читал их распевно, растягивая гласные, делая неожиданные интонационные выделения и паузы.

*Кто не слышал меня, тот меня не постиг
Никогда — никогда, никогда-никогда! —*

заявлял поэт, создавая новый жанр эстрадного искусства — авторское чтение стихов. В то время его сравнивали с модным эстетом эстрады А. Вертинским. И называл он свои произведения “поэмами”, указывая на особую форму исполнения стиха: нечто среднее между чтением и пением (сохранились даже ноты основных его мелодий).

В 1914 году поэт не надолго сошелся с кубофутуристами и принял участие в их турне по югу страны, выступал с ними в совместных сборниках. Это турне, носившее название “Олимпиада футуризма”, подробно описано в автобиографической поэме Северянина “Колокола собора чувств”.

В своих последующих книгах “Златолира” (1914), “Ананасы в шампанском” (1915), “Victoria Regia” (1915), “Поэзоантракт” (1915), “Тост безответный” (1916) поэт продолжал из “трагедии жизни” творить “грёзо-фарс” и “грёзовое царство”, контуры которого стали появляться еще в первых стихах Северянина (“Я — царь страны не существующей...”) и были впервые обозначены в третьем разделе сборника “Громокипящий кубок” (“За струнной изгородью лиры”). Позже они оформились в романтическую страну Миррэлию, название которой было произведено от имени поэтического кумира поэта Мирры Лохвицкой. Эта скрытая, никому не ведомая страна живет в изначальной гармонии, в ней сохранилась первозданная природа, а дикие звери живут в любви и дружбе с людьми. У этой страны есть и своя королева, добрая и страдающая Ингрид, есть и блистающая “поэзосолистка” Балькис Савская.

*Миррэлия — светлое царство,
Край ландышей и лебедей.
Где нет ни больных, ни лекарства,
Где люди не вроде людей*

.....
*Качает там лебедя слива,
Как символ восторгов любви...
Миррэлия! как ты счастлива
В небывшем своем бытии!*

(“Увертюра” (“Миррэлия — светлое царство...”), 1916)

Продолжал Северянин писать и эпатазирующие эстетством стихи, что неизбежно вело к повторениям и продолжало вызывать нападки на него критиков, обвинявших его в пошлости, отсутствии знаний и безвкусице.

Перед первой мировой войной его поэтическая слава достигла своего апогея. Залы на его “эгических поэзовечерах” были переполнены публикой, сборники стихов расхватывались мгновенно, а великосветские дамы и восторженные курсистки считали своим долгом украсить свои комнаты портретом его не блиставшего красотой лица:

*Я созерцаю — то из рубок,
То из вагона, то в лесу,
Как пьют “Громокиящий кубок” —
животворящую росу!*

И. А. Бунин как-то заметил, что имя Северянина “знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже многие приказчики, фельдшерницы, коммивояжеры, юнкера, — не имевшие в то же время понятия, что существует такой русский писатель: Иван Бунин”. Все это привело впоследствии к расхожим, основанным на ироничных словах самого же поэта, замечаниям о его “двусмысленной славе” (“Моя двусмысленная слава / И не двусмысленный талант...”), к трафаретному, поверхностному восприятию его поэзии и рассуждениям о “северянинщине”, о будуарно-ресторанном характере и пошловатой изысканности произведений поэта, сводящим его творчество к “мороженному из сирени”, “ананасам в шампанском”, “фиолетовому трансу” и “блестящему фэйф-о-клоку”. Даже Валерий Брюсов, вначале положительно оценивший поэзию Северянина, в 1922 уже вынес ей суровый приговор: “Северянин чрезвычайно быстро “исписался”, довел, постоянно повторяясь, своеобразие некоторых своих приемов до шаблона, развил в позднейших стихах, недостаток своей поэзии до крайности, утратив достоинства, стал приторным и жеманным и сузил темы своих “поэз” до маленького круга, где господствовало “быстро-темное упоение”, восклицания “Вы такая эстетная” и т. д., — салонный эротизм и чуждый жизни эстетизм”. И все было бы так, если бы не скрытая за всей этой манерностью ирония, отмеченная тем же Валерием Брюсовым в статье “Игорь Северянин” (1915), верно отразившей основные художественные принципы творчества поэта. Упрекая Северянина в отсутствии вкуса, вместе с тем Брюсов писал: “Это лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир... Это — истинный поэт, глубоко переживающий жизнь и своими ритмами заставляющий читателя страдать и радоваться вместе с собой. Это — ироник, остро подмечающий вокруг себя смешное и низкое и клеймящий это в меткой сатире. Это — художник, которому открылись тайны стиха...”

*Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:*

*Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.*

*Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон, —
Ведь я лирический ироник:
Ирония — вот мой канон.*

(“Двусмысленная слава”, 1918)

Его ирония шла от позы равнодушного гения. Он иронизировал над тем, что воспевал, а толпа принимала его стихи за чистую монету, восторженно признавала его своим. И обвинить поэта, наверно, можно лишь в “эксплуатации приема”, как, в таком случае, и Сашу Черного или Михаила Зощенко, так же широко пользовавшихся “литературными масками”. Он предлагал “толпе” не нравоучение или назидание а зеркало...

*О, Лилия ликеров, — о, Creme de Violette!
Я выпил грез фиалок фиалковый фиал...
Я приказал немедля подать кабриолет
И сел на сером клене в атласный интервал.*

(“Фиолетовый транс”, 1911)

Поэт и переводчик Георгий Шенгели, близко знавший Северянина, вспоминал: “Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал, — это был Александр Раевский, ставший стихотворцем; и все его стихи — сплошное издевательство над всеми, и всем, и над собой... Игорь каждого видел насквозь, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника — но это ощущение неуклонно сопрягалось в нем с чувством презрения”.

Иногда в таких стихотворениях как “Диссона” (1912), “Нелли” (1911) или “На смерть Фофанова” (1911) скрытая ирония поэта выливалась в открытую, едкую сатиру:

*Я в комфортабельной карете, на эллиптических рессорах,
Люблю заехать в златополдень на чашку чая в жено-клуб,
Где вкусно сплетничают дамы о светских дрызгах и о ссорах,
Где глупый вправе слыть не глупым, но умный непременно глуп...*

(“Клуб дам”, 1912)

Ориентация скорее на слушателя, чем на читателя, определила и особое строение стихов Северянина. Его поэзии свойственна мелодичность и благозвучие, стихи имеют близкое к романсному строфическое построение с многочисленными повторами и подхватами отдельных слов и целых фраз (“В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом...”), изобилуют рефренами и анафорами и унаследованными от Бальмонта разнообразными внутренними созвучиями в стихе — ассонансами и аллитерациями:

Вдали, в долине играют Грига.

В играньи Грига такая нега.

Виртуозным признала критика стихотворение “Квадрат квадратов”, в первом четверостишии которого зарифмовано каждое слово, а смыс-

ловое развитие стихотворной конструкции происходит благодаря перестановке в последующих трех строках тех же слов с той же рифмовкой:

*Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! — я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом, — палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...*

.....
*Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!..
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал, точно зверь!..*

Северяниним были изобретены десять новых стихоформ: “миньонет”, “поэметта”, “лириза”, “дизель”, “квинтина” и другие, обоснование которым он дал в неопубликованном труде “Теория версификации”. В русле своих футуристических исканий занимался поэт и словотворчеством. Его невероятные неологизмы (“плутоглазка”, “ленноструйный”, “безгрезье”, “озерзамок”, “отуфлить” и др.), с одной стороны, были призваны, как и эпатажирующая “заумь” кубофутуристов, обновить сложившийся к тому времени поэтический язык, разрушить его обезличенность и штампованность, а с другой стороны, вместе с обилием иностранных слов (“буше”, “кокотка”, “куртизанка”, “шантан”, “фаэтон”, “рододендрон”, “грум” и т. д.) привлекали публику, видевшую в этой лексике отблески великосветской жизни и принимавшую суррогат за подлинник. Ведь утонченное, в понимании толпы, это, зачастую, заграничное (“Весь я в чем-то норвежском, весь я в чем-то испанском...”).

27 февраля 1918 года на “поэзовечере” в Политехническом музее в Москве Северянин был провозглашен “королем поэзии”. Второе место занял Владимир Маяковский, третье — Константин Бальмонт. К этому событию поэт отнесся трепетно и очень серьезно:

*Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.*

.....
*В душе — порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран королем поэтов, —
Да будет подданным светло!*
(“Рескрипт короля”, 1918)

Это была высшая и последняя точка головокружительного успеха Игоря-Северянина. Летом 1918 года он оказался в эмиграции.

Игорь Северянин всегда старался держаться вне политики: она его не интересовала. И его редкие отклики на общественные события поражают своей противоречивостью. Активный противник любой войны, он в 1914 году напишет серию ура-патриотических стихов:

*Когда отечество в огне,
И нет воды, лей кровь, как воду!.. —*

и, опомнившись, через месяц откажется от своих призывов, заявив: “Ни капли крови — и ничьей!..” В одном сборнике у него будут соседствовать стихотворения, приветствующие Февральскую революцию и Временное правительство, и памфлет против А. Ф. Керенского “Александр IV”, где тот назван “паяц трагичный на канате..”. Он не примет октябрьского переворота и гражданской войны, написав стихотворение “Крашенные”:

*Сегодня “красные”, а завтра “белые” —
Ах, не материи! ах, не цветы!
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты, —*

и будет славить Ленина за то, “что мир, им первым, заключен...”

Летом 1918 года Северянин вместе с больной матерью уехал из годного Петрограда на свою дачу на берегу Финского залива в маленькой деревне Эст-Тойла. Последовавшая вскоре оккупация этой территории немцами, а затем возникновение самостоятельного эстонского государства, отрезали поэта от России, да он и не стремился в то время возвращаться. Примечательно событие отразившее отношение Северянина к своему положению эмигранта. В 1930 году перед встречей с полпредом СССР в Эстонии Ф. Ф. Раскольниковым Северянина спросили, удобно ли ему, поэту-эмигранту, встречаться с советским дипломатом. На что он ответил: “Прежде всего я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник. С 1918 года. В 1921 году принял эстонское гражданство. Всегда был вне политики. Рад каждому, кто рад мне...”. А на последовавший в ходе беседы вопрос самого Раскольникова, не хочет ли поэт “возвратиться в СССР”, поэт заметил: “Я слишком привык к здешним лесам и озерам. Да и что я стал бы читать теперь в России? Там, кажется, лирика не в чести, а политикой я не занимаюсь...”

Новому времени не нужен был бестенденциозный поэт, и “король поэзии” быстро утратил былую популярность. Вышедшие в 1919 — 1923 годах девять его поэтических книг, практически не пользовались спросом, и не приносили денег. Поэту приходилось самому продавать свои сборники, заниматься переводами, просить помощи в правительственных учреждениях. Эмигрантская среда ждала от него активных поэтических выступлений против Советской власти, а он обличал воинствующую пошлость и бездуховность, манерное и претенциозное поведение “сливок” эмигрантского общества (стихотворения “Чем они живут?”, “Их образ жизни”, “Поэза “Villa mon heros”, гротескная комедия “Плимутрок”). В одном из писем Северянин констатировал: “Мы уже вторую неделю питаемся картофелем с крупной, кристалликами, солью... Вокруг — звереющий буржуазный мир и убивающее душу равнодушие... К сожалению, новых книг не пишу. Не для кого”.

Почти безвыездно поэт живет в Тойле, здесь он в 1921 году женился на Фелисе Круут. В 1922 году он совершил поездку в Берлин, где встречался с В. Маяковским, Б. Пастернаком, А. Н. Толстым, участвовал в концертах. Маяковский, с которым Северянина связывали давние дружеские отношения, предлагал ему возвратиться домой, обещал уладить формальности, но Северянин отказался. Потом он изредка участвует в поэтических концертах в прибалтийских городах (Таллин, Тарту, Рига), временами выезжает на гастроли в Европу.

Общей тенденцией в его творчестве становится возврат к классическим традициям русского стиха. “Чем проще стих, тем он труднее...” — станет его девизом. Ведя полурыбацкий образ жизни, он, как в детстве, начинает черпать жизненную силу в общении с природой, к ней же обращается и в творчестве.

*Я постиг тщету за эти годы.
Что осталось, знать желаешь ты?
Поплавок, готовый кануть в воду,
И стихи — в бездонность пустоты...*
(“В забыты”, 1926)

В его поэзию проникают ностальгические мотивы, горькое признание уже прошедшей жизни. Кроме трех автобиографических поэм, уже упоминавшихся выше, он написал поэму “Рояль Леандра” (1925), написанную онегинской строфой. Во второй части этой полуфантастической поэмы поэт дает выразительную картину литературно-художественного Петербурга 1910-х годов. Особого внимания заслуживает его книга сонетов “Медальоны” (1927), в которую вошло сто стихотворных портретов музыкантов и писателей, входивших в круг творческих интересов Северянина. В 1931 году вышел его сборник стихов “Классические розы”, обобщивший творческие искания поэта последних лет.

После гастрольной поездки поэта в Югославию и Болгарию в 1930 году, рецензент одной из болгарских газет отметил: “Именно теперь, когда выплеснуты “ананасы в шампанском”, брошены “кареты куртизанок”... особенно выделяется в Северянине то, что самоценно в каждом художнике — его своеобразное и значительное дарование... Странной и новой кажется его теперешняя простая и привлекательная манера чтения... Лирика же покоряет аудиторию”. В свое время Северянин удачно занял “нишу” между интеллектуальной, философски насыщенной поэзией символизма и абстрактной, эпатирующей — кубофутуризма, теперь он снова нашел путь к сердцам читателей и слушателей через классическое звучание русского стиха, но былой популярности уже не было и поэт бедствовал.

После 1935 года Северянин почти не пишет оригинальных стихов, занимаясь переводами в основном с эстонского (А. Раннита, Г. Виснапу и др.). Живет по большей части вместе с семьей в Таллине. После установления в Эстонии советской власти Северянин стремится переехать в Россию, публикует стихотворения (разумеется, приветственного характера) в московских журналах, ведет переговоры об издании сборника стихов, налаживает контакты с писателями. После начала Великой Отечественной войны Северянин, страдавший тяжелой болезнью сердца, обращается к властям с просьбой способствовать эвакуации, но помощь ему оказана не была. Он предпринял самостоятельную попытку выехать в Ленинград, однако из-за болезни пришлось вернуться. Северянин умер в Таллине 22 декабря 1941 года от сердечного приступа. На могильном памятнике поэта, на Александро-Невском кладбище в Таллине, выбиты последние две строчки из поистине северянинского стихотворения “Классические розы”:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

В рецензии на “Громокипящий кубок” Осип Мандельштам, в частности, заметил: “И все-таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадёжно перепутав все культуры, поэт умеет иногда придать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении. Нельзя писать “просто хорошие” стихи. Если “я” Северянина трудно уловимо, это не значит, что его нет”.